

ОПЕРА

ЦЮАНЬШАН

в Доме упительной гармонии

ЭРИХ ФОН НЕФФ

Эрих фон Нефф

**ОПЕРА ЦЮАНЬШАН В «ДОМЕ
УПОИТЕЛЬНОЙ ГАРМОНИИ»**

Откровенная и драматичная история жизни и любви в Чайнатауне от известного американского автора Эриха фон Неффа, полная честных и подчас шокирующих деталей.

Содержание

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32

[33](#)

[34](#)

[35](#)

[36](#)

[37](#)

[38](#)

[39](#)

[40](#)

[41](#)

[42](#)

[43](#)

[44](#)

[Глоссарий](#)

[Примечания](#)

THE QUAN SHANG OPERA In The House Of Delirious Harmony
Erich von Neff

Перевод с английского: Олег Кустов

Эрих фон Нефф — американский писатель из Сан-Франциско. Родился в 1939 г. Окончил школу имени Джорджа Вашингтона в 1957 году, затем проходил военную службу в Корпусе морской пехоты США. В 1964 году окончил государственный университет Сан-Франциско со степенью бакалавр искусств, в 1974 году получил степень магистра. В период с 1980 по 1981 год проходил аспирантуру в университете Данди, в Шотландии, затем получил степень магистра философии.

Эрих фон Нефф известен во французском литературном авангардизме. Он состоит в обществе «Французских Поэтов», а также в «Обществе французских поэтов и художников».

Опубликовал несколько книг поэзии и прозы в французских переводах.

Книга Эриха фон Неффа *Prostitutes by the Side of the Road (Prostituées au Bord de la Route)* была выпущена французским издательством «Cahiers de Nuit» в 1999 г. на деньги, полученные в виде гранта от Регионального Литературного Центра Нижней Нормандии.

Сборник стихов *Les Putains Cocainomanes* («Кокаиновые шлюхи») был выпущен издательством «Cahiers de Nuit» в 1998 г. В год выпуска Мари Андре Бальбастр рассказывала о сборнике на парижской радиостанции 96.2 FM и зачитала поэму#45.

Русские переводы отдельных произведений Эриха фон Неффа публиковались в журналах «Зарубежные

задворки», «Эдита», «Новый берег», «Ликбез», «Дон», «Слово\Word», «Аконит», «7 искусств», а также сборниках «Строки на веере» и «ARONAXX I». В 2019 году в независимом издательстве «Чтиво» (Санкт-Петербург) вышел русский перевод книги «Проститутки на обочине» (*Prostitutes by the Side of the Road*).

1

Где же она?

Гэри Цюань смотрел на улицу сквозь тонкие полупрозрачные занавеси. Улица была безлюдна. Он взглянул на часы. Самолёт приземлился в международном аэропорту Сан-Франциско уже два часа назад, а её до сих пор нет.

По улице проехал небольшой фургон, остановился возле дверей склада на другой стороне. Из фургона вышли два человека в тёмной одежде. Один, немного повозившись с замком на низовых воротах, открыл дверь склада, затем мужчины скрылись внутри. У Гэри мелькнула мысль, что надо бы позвонить в полицию. А может и не стоит... Здесь, в китайском квартале, где орудуют уличные банды и наркоторговцы, лучше помалкивать о том, что видел. Вскоре сомнительная парочка показалась снова, они тащили тяжёлый ящик. Один костерил другого на чём свет стоит, было слышно даже через улицу. Затолкав ящик в фургон, они закрыли ворота, потом влезли в кабину пикапа и укатили.

Улица снова опустела. Гэри хотелось, чтобы за окном проехала другая машина, или проковылял пьяный прохожий... Что угодно, лишь бы убить время.

Где она запропастилась? Может, таможенники прицепились из-за какой-нибудь ерунды?..

И тут он увидел жёлтое такси, выворачивающее из-за угла. Водитель резко затормозил, вылез из машины, небрежно хлопнув дверцей. Таксист был не то индус, не то пакистанец, одетый в какой-то халат, с тюрбаном на голове. Он торопливо подбежал к дверям и принялся громко стучать. Гэри помедлил, прежде чем открыть дверь. Таксист тут же протянул открытую ладонь.

— Тридцать долларов, пожалуйста, — сказал он вежливо, но твёрдо.

— Тридцать? — переспросил Гэри.

— Именно это я и сказал.

— Погоди минутку.

Гэри прошёл вглубь квартиры, открыл запертый на ключ ящик стенного шкафа. В ящике лежала кучка мятых купюр различного достоинства и горстка мелочи. Гэри выбрал одну десятку, две пятёрки, восемь бумажек по доллару, остальное нагрёб мелочью. Затем он вернулся к дверям, опасаясь, что таксист начинает терять терпение. Таксист снова протянул руку ладонью кверху.

— Подставляй обе, — сказал Гэри и вывалил деньги тому в пригоршню.

Таксист вернулся к машине, рассыпал деньги по переднему сиденью и пересчитал. Затем вернулся обратно и снова протянул руку.

— Чаевых от меня не получишь, — сказал Гэри.

Таксист разразился проклятиями на своём языке, потом перешёл на английский.

— Китайцы! С ними вечно одно и то же. — Он отрывисто постучал в окно задней дверцы.

Открылась задняя дверь с другой стороны, пассажирка вышла. Таксист плюхнулся на сиденье, завёл мотор и умчался прочь.

Гэри посмотрел на женщину, что стояла напротив. Она молча ждала, опустив лицо; он видел лишь тёмный силуэт.

— Я — Гэри Цюань, — сказал он.

Всё так же не поднимая глаз, она медленно шагнула навстречу, прошла мимо него и нерешительно остановилась возле дверей. Надо же, какая скромная. Гэри предпочёл бы белую женщину, или мексиканскую, или даже чёрную. Раскованную. Пускай бы вышла из такси с бутылкой пива в одной руке и с сигаретой в

другой. Эта же слишком отчуждённая, слишком традиционная.

Гэри пожал плечами, вздохнул. Ладно, что уж там, надо впустить будущую жену в дом.

2

Мей-Фан Чун готовила праздничный завтрак для дочери. Она положила на стол лист красной бумаги, затем аккуратно очистила от скорлупы два только что сваренных вкрутую яйца. Положив очищенное яйцо на бумагу, Мей-Фан стала катать его взад и вперед, пока оно не окрасилось в такой же багряный цвет. Затем Мей-Фан проделала то же самое со вторым яйцом. Закончив разукрашивать яйца, она добавила их на продолговатую, очертаниями похожую на рыбу, тарелку, где уже лежала пригоршня отварного риса. Мей-Фан зажгла тонкую свечку и мягким голосом позвала дочь:

— Сань-Сань, поди-ка сюда.

Девушка пришла на зов. Увидев тарелку с кушаньем, сдержанно улыбнулась: в Китае красный цвет означал удачу. На прошлый день рождения мать приготовила ей рис и одно красное яйцо. На этот день рождения красных яиц было уже два. Наверное, вскоре обязательно случится что-то хорошее... Сань-Сань задула свечу и принялась за еду, ловко подхватывая рисинки палочками для еды. Мей-Фан с улыбкой смотрела на дочь, восхищаясь аккуратными и грациозными движениями её рук.

Сань-Сань взглянула на мать, улыбнулась в ответ, затем взяла яйцо и откусила маленький кусочек. Она не спешила, желая как следует распробовать вкус еды.

В комнату вошёл отец девушки. Сань-Сань положила яйцо на тарелку, опустила голову.

— У нас что, опять времена Конфуция настали? — рассмеялся Бао-Вей Чун. — Сегодня же твой день рождения. Ешь.

Сань-Сань снова взялась за яйцо, всё же чувствуя неловкость.

— Не волнуйся, я не похудею, — сказал Бао-Вей, похлопывая себя по обширному животу.

Отец по праву гордился дочерью. Два месяца назад Сань-Сань окончила университет имени Сунь Ятсена с дипломом экономиста, а ведь ей только двадцать лет. Во многих дисциплинах она была лучшей или в числе лучших. Если какой-то предмет давался Сань-Сань с трудом, она засиживалась с учебниками до поздней ночи. Порой Бао-Вей даже начинал беспокоиться о её зрении.

Мей-Фан не могла дождаться, когда дочь закончит завтрак.

— Сань-Сань, — сказала она, — мы приготовили тебе сюрприз.

Бао-Вей вышел из комнаты и вернулся с большим свёртком из коричневой бумаги, перевязанным лентой. Он положил свёрток на стол перед дочерью.

Сань-Сань положила яйцо на тарелку. Потянув за край ленты, развязала узел, потом развернула бумагу.

— Ой! — воскликнула Сань-Сань, взглянув на родителей. — Блузка из шёлка. Это мне?

— Конечно, — сказала Мей-Фан.

Сань-Сань бережно взяла блузку в руки, поднесла к лицу, вдохнув запах ткани. Бао-Вей одобрительно улыбнулся; его дочь понимала толк в изящных вещах. Вроде того резного сундука из камфорного дерева, что достался по наследству от бабушки. Бабушкина традиционная одежда, *пей*, до сих пор хранится в том сундуке. Бао-Вей не раз наблюдал, как Сань-Сань открывает сундук, аккуратно достаёт пей, прижимает к лицу, вдыхая аромат ткани, а затем убирает одежду обратно и закрывает сундук. Сань-Сань никогда не спрашивала отца про бабушку, и сам он тоже ничего

про неё не рассказывал. Похоже, для Сань-Сань достаточно было одного аромата семейной истории.

А сейчас она держала в руках новую белую блузку, приложила к груди.

— Какая красивая.

Налюбовавшись, Сань-Сань сложила блузку и снова завернула её в бумагу.

«Удивительно, как она похожа сразу и на дитя, и на взрослую женщину, — подумала Мей-Фан. — А эти красные яйца на тарелке. Словно её созревшие яичники, готовые к замужеству».

— Сань-Сань, — Мей-Фан не знала, как начать важный разговор, — помнишь моего брата Юаня?

Дочь кивнула, слушая внимательно. Как всегда.

— Хотя тебе же было только три года, когда он уехал в Америку... В общем, теперь он живет в Сан-Франциско, владеет бензозаправкой. А ещё у него есть друг, который держит прачечную и...

Сань-Сань смотрела, как мать теребит в руках письмо от дяди Юаня, и понимала — вот, случилось.

— Он тут пишет, что его друг ищет добропорядочную невесту из Китая, и Юань рассказал про тебя. Вот так, — быстро проговорила Мей-Фан. Она так ни разу и не заглянула в письмо, просто держала его в руках, как будто для большей уверенности.

Сань-Сань была потрясена, она не находила слов. Неужели она не ослышалась? И что ей теперь делать, готовиться к свадьбе? В такой день...

— Послушай меня, доченька, — сказала Мей-Фан. — Два месяца назад ты окончила университет, а теперь работаешь обычной продавщицей в магазине. Да, может быть, ты заслужишь повышение, может быть, сумеешь найти другую работу. Но подумай сама: у тебя есть шанс уехать в Америку, есть шанс на лучшую жизнь.

Лучшая жизнь? Сань-Сань была не уверена, что ей этого хочется. Она вполне была счастлива здесь, в Гуанчжоу. И как же теперь её парень, Лин Чао? Они ведь уже занимались любовью, строили совместные планы на будущее... Сань-Сань посмотрела на отца, ища его поддержки, но он, похоже, полностью смирился с непреклонной волей жены, желающей обустроить счастье дочери по своему разумению.

Так странно было слышать слова, словно произнесённые чужими губами:

— Да, мама. Я поеду в Америку.

Сань-Сань сама не знала, почему она так сказала. Но она это сказала, хотя душа была не на месте.

А может, она на самом деле хотела пуститься в отчаянное приключение.

3

Всё произошло так быстро.

Лайнер компании «Эйр Чайна» подлетал к Сан-Франциско, а Сань-Сань всё ещё никак не могла прийти в себя. Она сидела в середине салона, возле иллюминатора. Под крылом самолёта была видна россыпь мерцающих огней огромного города. Семейная пара, сидевшая впереди, говорила по-английски. Сань-Сань силилась разобрать слова, но, хотя она четыре года изучала английский язык в университете, для неё разговор был похож на бессвязное бормотание. Сидевшая рядом женщина спала, сжимая в руках глянцевого журнала, который начала читать во время перелёта.

Сань-Сань чувствовала себя одиноко. Она подумала о своих родителях. Чем они сейчас занимаются? Думают ли о ней? Как там Лин Чао? И кого взяли в магазин на её место? Зачем только она согласилась уехать? Глаза Сань-Сань наполнились слезами.

В аэропорту стало не до слёз. Сань-Сань едва понимала, о чём спрашивают люди в форме, чего они от неё хотят. В конце концов они перестали её мучить и отпустили. Сань-Сань вышла из здания терминала, нашла стоянку такси, где было много одинаковых жёлтых машин. Она села на заднее сиденье такси, назвала водителю адрес.

Улицы были забиты машинами, хотя час был уже поздний. Огромные здания, размером с целый квартал, нависали над улицей как холодные, равнодушные гиганты. Гуанчжоу — тоже очень большой город, но он был совсем не такой, тёплый и по-человечески дружелюбный, несмотря на все недостатки.

Китайский квартал поразил Сань-Сань невероятно. Удивил снующей по улице пёстрой толпой, домами с черепичной крышей, пагодами, но более всего — вывесками на китайском языке. Таксист опустил стекло в дверце, и Сань-Сань услышала стаккато разговоров на кантонском диалекте.

А потом она оказалась на задворках китайского квартала, возле прачечной, и рядом стоял совершенно чужой человек, который должен был стать её мужем. Его звали Гэри Цюань, и это всё, что Сань-Сань знала о нём. Он распахнул дверь, следующую за прачечной, жестом поманил Сань-Сань за собой. Она последовала за ним робкими, семенящими шагами. Гэри включил свет, указал на открытую дверь в комнату. Сань-Сань увидела застеленную кровать, низенький столик и стоящую на нём лампу. Возле одной стены стоял платяной шкаф, возле другой — комод со множеством ящичков.

— Это — твоё, — Гэри самодовольно указал на шкаф, сколоченный из кое-как обработанных сосновых досок.

Перед шкафом, такой же неказистый, стоял простой деревянный стул. И ещё было пыльное зеркало на стене.

— Я купил его для тебя.

Гэри говорил с таким жутким кантонским акцентом, что Сань-Сань едва могла его понять.

— Наверное, у нас с тобой разные диалекты, — сказала Сань-Сань. — Может быть, лучше нам говорить по-английски?

Гэри повторил только что сказанное. Его английский был немногим лучше, но Сань-Сань было просто невыносимо слушать настолько ужасный кантонский, в особенности от человека, с которым ей теперь предстояло провести всю свою жизнь.

— Я владею этим местом, — сказал Гэри, с горделивой улыбкой поводя руками вокруг. — Этой

квартирой и прачечной по соседству.

«Неужели он этим похваляется?» — подумала Сань-Сань. А вслух произнесла, стараясь показать, что очень впечатлена:

— Тебе есть чем гордиться.

— Да, — Гэри ещё больше раздулся от самодовольства. А потом вдруг сказал, как само собой разумеющееся: — Нам пора отправляться в постель.

Эти слова поразили Сань-Сань как гром среди ясного неба. Как так можно? Ни времени, чтобы как следует познакомиться друг с другом, ни ухаживаний, ни романтики — совсем ничего.

— Мне нужно в туалетную комнату, — пробормотала она, отчаянно смущаясь, но терпеть уже просто не было сил.

Гэри махнул рукой, указывая на дверь.

— Это вон там.

Сань-Сань поспешно вбежала в туалет, закрылась на защёлку. Сидя на унитазе, она нервно поджимала пальцы ног. Закончив, задержалась в туалете на несколько минут, просто чтобы прийти в себя и успокоиться. Будь её воля, она бы вовсе не стала оттуда выходить.

Выйдя из туалета, Сань-Сань увидела малопривлекательную картину: совершенно голого Гэри с выпирающим животиком и торчащим возбуждённым членом. (Сказать по правде, его достоинство было гораздо меньше, чем у Лин Чао.) Первым порывом Сань-Сань было кинуться к дверям — просто выбежать вон. Но куда? Она никого не знала здесь, она не знала город. Бежать ей было некуда.

— У меня сейчас критические дни, — сказала Сань-Сань с расчётливой откровенностью. Она надеялась, что это признание остудит пыл Гэри.

— Значит, сегодня ты не забеременеешь, — ответил он.

Забеременеть? От него? Такая перспектива не прельщала Сань-Сань. Ладно менструация, а если бы нет? Она определённо не была к этому готова.

Сань-Сань буквально сгорала со стыда, раздеваясь перед малознакомым человеком. Она ни разу не посмотрела в его сторону, но чувствовала, как Гэри её разглядывает. Сань-Сань скользнула под одеяло, легла на спину. Гэри немедленно навалился сверху, раздвинул её бедра и принялся за дело. Сань-Сань словно окаменела, она едва ощущала его старания. Может быть оттого, что Гэри был меньше, чем Лин. Может быть, из-за критических дней. А может быть, просто рассудок Сань-Сань отказывался воспринимать то, что сейчас происходило с её телом. Гэри ёрзал без всякого ритма; тело Сань-Сань никак не отзывалось на его движения. Впрочем, это продолжалось недолго; Гэри явно не отличался выносливостью. Вскоре он сполз с неё и угомонился, тяжело дыша.

Сань-Сань чувствовала себя словно пленница, словно рабыня. Как её родители могли так с ней поступить? Зачем они отправили её сюда? Зачем она согласилась? И где теперь Лин Чао?..

Сань-Сань вспомнила последний раз, когда она виделась с Лин Чао; они тогда ездили на озеро. На попутной машине добрались до гор Байюнь, потом шли пешком по тропе, дурачились. Поблизости не было других людей, только они, вдвоём. У Сань-Сань было игривое настроение, она сорвала цветок, росший возле тропы, и принялась щекотать Лину грудь. Затем опустила ниже. И ещё ниже. Расстегнула молнию на его брюках и тем же цветком стала щекотать Лину член. Сань-Сань смотрела Лину в лицо, слушала его тяжёлое дыхание, ей самой доставляла удовольствие эта фривольная забава. А потом тёплое семя Лина пролилось на цветок, на руки Сань-Сань, и она засмеялась, довольная собой. А Лин отчего-то был очень

смущён, застёгивая брюки. Сань-Сань бросила цветок, вытерла руки носовым платком и, улыбнувшись Лину, взяла его за руку. Дальше они пошли молча.

И как только она могла быть такой бесстыдной? Не эта ли распутная часть её души поспешила сказать «да», когда мать заговорила о предстоящем замужестве с американцем?

Сань-Сань пугала мысль, что, видимо, так оно и есть. Её пугало то, к чему всё это привело.

4

Сань-Сань проснулась от холода. Она пошарила рукой, ища одеяло. Одеяла подле неё не было, сброшенное с кровати, оно комом валялось на полу. В открытую дверь комнаты она видела свет, пробивающийся с кухни. Значит, такой у Гэри способ будить свою невесту? Сань-Сань лежала и мечтала вернуться в родительский дом, в свою собственную кровать...

В комнату вошёл Гэри.

— Уже шесть утра, мне пора на работу, — сказал он. — Вставай, одевайся. Выбери себе одежду вон там. — Гэри указал на стопки различной одежды, аккуратно разложенные в углу комнаты. Там были джинсы, платья, свитера, нижнее бельё, носки и даже несколько пар обуви.

— Вещи из прачечной, — пояснил Гэри. — Если клиент не приходит за вещами два месяца, то я всё оставляю себе. — Он, похоже, чрезвычайно гордился своей расчётливостью. — Выбери себе, что подойдёт по размеру, и сложи в комод. Можешь занять нижние три ящика. А сейчас надень джинсы и свитер, такая одежда лучше годится для работы.

Гэри вернулся на кухню. Сань-Сань принялась разбирать одежду. Просто удивительно, вещи по большей части были совсем как новые. Она без труда нашла себе подходящий свитер и джинсы.

Одевшись, Сань-Сань прошла на кухню. Гэри стоял возле плиты. Он выложил на разогретую сковороду четыре кусочка бекона, приговаривая:

— Вот так следует готовить бекон.

Сань-Сань прекрасно знала, как готовить; она научилась этому у своей матери и тёти. А уж поджарить

бекон было совсем простецким делом, но тем не менее Гэри продолжал её поучать:

— Нужно поджарить до хрустящей корочки с одной стороны. Но, главное, не пережарить.

Сань-Сань взяла в руки большую вилку, чувствуя раздражение оттого, что мужчина учит её готовить. Гэри подал ей тарелку, Сань-Сань выложила на неё поджаренный бекон.

— Теперь жарим яичницу, — сказал Гэри. Он взял два яйца, разбил скорлупу и вылил содержимое в растопленный свиной жир. — Вот так, получилась глазунья.

Господи, он был так горд своим невероятным кулинарным мастерством.

Гэри взял лопаточку и добавил яичницу на тарелку к бекону. Затем он взял два стакана с сушилки над раковиной, открыл холодильник, достал оттуда коробку апельсинового сока, разлил сок по стаканам.

— Вот, — сказал Гэри, отхлебнув из стакана. — Яичница с беконом и апельсиновый сок. Настоящий американский завтрак. Я — совсем как американец. Пей же свой сок. Пей, как я.

Сань-Сань не хотела пить из стакана, на котором виднелись следы от жирных пальцев. Но она всё же пересилила себя и сделала маленький глоток.

— В тебе слишком много китайского, — заявил Гэри. — Твоё имя — Сань-Сань — чересчур китайское. Я дам тебе американское имя. Я буду звать тебя Энн.

Энн? Серьёзно? Неужели он вознамерился дать ей новое имя?

— Скажи, как тебя зовут? — потребовал Гэри.

— Энн, — сказала она.

— Звучит как «Тянь», — недовольно сказал он. — Попробуй ещё раз.

— Энн, — повторила она. Раз он так желает, теперь она станет зваться Энн.

— Уже лучше.

Гэри взял ещё одну тарелку с сушилки, переложил на неё кусочек бекона и одно яйцо.

— Американский завтрак. То, что я ем по утрам. Но на обед я предпочитаю китайскую еду.

Энн осмотрелась в поисках палочек для еды. Гэри догадался, что ей нужно, отрицательно покачал головой.

— Нет, привыкай пользоваться ножом и вилкой.

Энн было не до церемоний, она жутко проголодалась. Но постаралась сдержаться: она должна вести себя благопристойно, как леди. Хотя это непросто, в особенности, если приходится орудовать такой огромной вилкой с клеймом военно-морского флота США на ручке.

За завтраком засиживаться не пришлось, Гэри куда-то спешил.

— Твои ключи, — сказал он, пошарив в кармане. — Пойдём, мне нужно показать тебе прачечную, до того, как я уйду на работу.

Они вышли из дома, и холодный утренний воздух пронизал Энн до костей. Она поёжилась, с любопытством глядя по сторонам. В конце переулка, в тупике, на пороге под дверью лежал какой-то человек. То ли пьяный, то ли бездомный. А может, и то, и другое сразу. Как можно спать на таком холоде? Как вообще можно так жить?

Справа от двери была поблёкшая вывеска, название написано иероглифами: «Прачечная Цюаньшан».

— Попробуй отпереть сама, — сказал Гэри.

Энн вставила ключ в замок, повернула дверную ручку. Дверь не открывалась.

— Сперва нужно повернуть ключ против часовой стрелки, а потом — дверную ручку, — объяснил Гэри.

Энн сделала, как он сказал, и дверь открылась.

— Свет включается здесь, — Гэри щёлкнул выключателем справа от дверей.

Зажглись лампы. Прачечная оказалась меньше, чем Энн ожидала. Впрочем, обустроена она была неплохо. Стиральные машины, сушильные машины, гладильные доски — всё было расположено с умом, так, чтобы удобно было пользоваться, несмотря на тесноту.

Гэри открыл дверь в стене, за которой оказалась небольшая комнатка.

— Здесь стойка приёма заказов и офис.

Стойкой служила старомодная конторка с откидной крышкой. Ключ от входной двери так же подходил к двери в противоположной стене офиса. На двери была надпись иероглифами «Посторонним вход воспрещён». Там была ванная и туалет, а оттуда вела ещё одна дверь, через которую можно было попасть в квартиру. Энн порадовалось, что в доме есть лишняя ванная.

Гэри достал из кармана ещё один ключ, совсем маленький.

— Это от несгораемого шкафа, — пояснил он.

В металлическом шкафу лежало несколько мелких купюр и россыпь монет. Гэри указал на стену.

— Здесь разменный автомат, монеты нужны для стиральных машин. Здесь список с нужными телефонными номерами.

В списке значился водопроводчик, механик по ремонту стиральных машин и прочее в том же духе.

— Люди приносят вещи, чтобы постирать и погладить. Это мы делаем здесь. Ещё берём вещи, которые потом отправляем в химчистку.

Гэри бросил взгляд на часы.

— Мне пора, я опаздываю на работу. Прачечная открыта, ты остаёшься здесь за главную. Надеюсь, справишься.

И он ушёл, даже не поцеловав Энн на прощание, даже не оглянувшись.